

КРЫМ В ПРЕДДВЕРИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

УДК: 821.161.1

«КРЫМСКИЕ ПИСЬМА» ЕВГЕНИИ ТУР

Бирюкова Маргарита Анатольевна,

писатель, литературовед, историк, краевед,

член Союза писателей России

(РФ, г. Москва),

e-mail: rittabiruikova@mail.ru;

Стрижов Александр Николаевич,

писатель, общественный деятель, член Союза писателей России

(РФ, г. Москва),

тел.: +7 903 180-67-13

В статье представлена краткая справка жизни Евгении Тур и предпосылки ее приезда в Крым, далее публикуются выдержки из писем писательницы о ее пребывании на крымском полуострове в 1852-1853 годах, адресованные брату матери, Николаю Ивановичу Шепелеву. Евгения Тур подробнейшим образом описывает крымские топонимы, местных жителей и свои впечатления о Крыме.

Ключевые слова: *Елизавета Васильевна Сухово-Кобылина, Евгения Тур, Крым, крымские письма, татары, Симферополь, Чатыр-Даг, Алушта, Салгир, Партепит, Аю-даг, Гурзуф, Ялта, Алушк, Ореанда, Помпейский Дворик, Гаспра-Александрия, Кучук-Ламбат, Бахчисарай, Байдарские Ворота, монастырь Св. Георгия, Пушкин, Чуфут-Кале.*

Елизавета Васильевна Сухово-Кобылина – будущая писательница Евгения Тур – родилась в 1815 году в Москве. Ее отец, Василий Александрович – герой Отечественной войны 1812 года, сопровождал императора Александра при въезде воинов-победителей в Париж; мать

Евгения Тур. Фото. 1892 год

Мария Ивановна, из богатейшей фамилии Шепелевых, и тоже оставила след в летописях, но как неистовая крепостница – родовая черта – властная и не безразличная к искусству. Елизавета Васильевна росла в родительском доме у Харитонья, что близ Красных Ворот, в обстановке не совсем обыкновенной. Здесь, как и в другом их доме, у Страстного монастыря, побывала чуть ли не вся московская интеллектуальная элита – профессора Московского университета, видные литераторы и философы, прославленные театральные режиссеры и исполнители, талантливая молодежь. Мария Ивановна при ее властном характере могла выглядеть обаятельной

особой, тонко чувствующей прекрасное в искусствах и науках. В доме Сухово-Кобылиных каждый из приглашенных мог раскрыть свои способности в полной мере. Литературный салон Сухово-Кобылиных был в Москве заметным на культурном ландшафте 1830-х годов.

Семья не позволила брак Елизаветы с ее избранником – разночинцем, профессором университета Николаем Ивановичем Надеждиным из-за недостаточно аристократичного происхождения жениха; ее увезли за границу и выдали замуж за французского обедневшего графа Салиаса-де-Турнемир. С той поры столбовая москвитянка стала носить эту фамилию до конца жизни.

На этом испытания графини Салиас не закончились, а приобрели другую форму. Ее муж Анри, по настоянию ее отца названный русским именем Андрей, получив солидное приданое, решил в Москве заняться коммерцией. Он вложил средства в производство шампанских вин, обзавелся выписанными из-за рубежа специалистами, открыл магазин. Но дело не пошло, возможно, наши Крымские сорта винограда не подходили для этого типа игристого напитка, или какая-то другая причина не позволяла развернуться затее. В результате вложенные

средства пропали. А тут еще приключилась семейная беда: брат Елизаветы Васильевны, прожигая в светских удовольствиях жизнь, оказался под подозрением в убийстве француженки Симон-Деманш, его сожительницы.

Следствие по этому громкому делу тянулось мучительно долго – целых семь лет – и потребовало громадных издержек на бесчисленные подкупы чиновников – в сговоре были замешаны даже самые значительные лица. Накопленные капиталы таяли, пришлось расстаться с усадьбой Воскресенское, где так счастливо себя чувствовала старшая сестра Лиза. Находясь в камере предварительного заключения Александр Васильевич Сухово-Кобылин начал писать свою знаменитую пьесу «Свадьба Кречинского», в которой резко заклеил повадки взяточников и двуличие формалистов и волокитчиков.

Граф Андрей Салиас со своей стороны умножил горе: семьей не интересовался, бедность его не устраивала, и после дуэли с таким же великосветским хлыщом был выдворен из России. Графиня Елизавета Васильевна осталась с тремя детьми на руках без средств к существованию и, по существу, без мужа. Семья создавалась по принуждению и распалась сама по себе, без особого сожаления с обеих сторон. Теперь источником дохода графини будет литературный труд. Так родилась писательница Евгения Тур.

Собственно, проба ее пера состоялась еще в ученические годы. Тогда при прямом содействии Николая Надеждина она поместила в «Телескопе» несколько переводов из «Путевых впечатлений» Александра Дюма. Так состоялся ее литературный дебют. И лишь в 1849 году Елизавета Васильевна проявила себя как самостоятельная и оригинальная писательница. Повесть «Ошибка», напечатанная в октябрьском номере журнала «Современник», привлекала непосредственностью чувств героев, острой интригой, сходной с тем, что переживала Елизавета Васильевна в юные годы, когда сословные предрассудки черствых людей помешали ее счастью. Слог повествования был так гибок и так мастерски отточен, изящен и непринужден, что читатели не могли не заметить и высоко оценить мастерство состоявшегося прозаика. В печати появились одобрительные отзывы. Потом последовали новые талантливые произведения, имя Евгении Тур сделалось популярным. Писательницу приглашали к сотрудничеству «Отечественные Записки», «Библиотека для Чтения», «Русский Вестник», столичные газеты. И она всюду успеваешь побывать, не выпуская из рук пера – настоящая литературная труженица. Ее, как писателя ценили все известные писатели-современники, чему свидетельство их многочисленные отзывы о ее произведениях. Библиография писательницы опубликована в «Литера-

туроведческом журнале» (№ 36, 2015 г.), а также представлена на сайте Проза. Ру (Библио-Бюро Стрижева-Бирюковой) [1].

Но всякого рода невзгоды не оставляют ее, а тут еще скандал на всю Москву с братом, и Елизавета Васильевна в крайнем нервном истощении решила с пособием родной сестры Евдокии Петрово-Соловово отправиться с близкими людьми на длительный отдых в Крым. Эта поездка длилась чуть ли не полтора года в 1852 и 1853 годах (как раз перед военной крымской кампанией) и хорошо представлена ею в «Крымских письмах». Все десять писем Тур посвятила брату матери, Николаю Ивановичу Шепелеву, страстному театралу и совершенно неспособному хозяину. При нем пришли в окончательный упадок металлургические предприятия на Выксе, оказались бездоходными обширные земельные наделы. Все разворовывалось управляющим и слугами. Феодальный тип хозяйствования отмирал.

Елизавета Васильевна попыталась заняться издательством, недолго выпускала газету «Русская речь», но ее борьба за эмансипацию женщин привела к краху это предприятие, и в конце 1861 г. Елизавета Васильевна уехала в Париж.

В парижский период жизни графиня Салиас остро интересовалась проблемами социального переустройства России, общалась с А. И. Герценом и со своим давним другом Н. П. Огаревым, встречалась с М. А. Бакуниным, дружила с Аполлинарией Суловой и художественных произведений не создавала. После выстрела Каракозова в Петербурге подъем радикальных настроений в обществе на Родине и в эмиграции резко пошел на спад, и значительная часть русской интеллигенции заметно поправела. Евгения Тур задумала вернуться к родным пенатам, чтоб целиком погрузиться в семейные дела и создавать книжки для детского чтения.

Кончина графини последовала 15 марта 1892 года в Варшаве, в резиденции Варшавского генерал-губернатора Иосифа Владимировича Гурко, приходившегося ей зятем. Похоронена она, согласно завещанию, в Тихоновой пустыни, вблизи Калуги, в семейном склепе Шепелевых. Ныне произведения некогда весьма известной писательницы постепенно вновь возвращаются к читателям.

«Крымские письма»
(сентябрь 1852 – октябрь 1853)

Впервые опубликованы в газете «Санкт-Петербургские Ведомости»: 1852 г. - № 254 (11 ноября), № 257 (17 ноября); 1853 г. - № 203 (16 сент.), № 209 (23 сент.), № 214 (29 сент.), № 234 (23 окт.), № 241 (31

Письмо 1.

Дорога на юг,

Украина – Новороссия – Перекоп – Джанкой – Симферополь

«...Мы едем дальше – голубые очерки мало-помалу темнеют и становятся земными формами, возвышающимися на бирюзовом небе. Зелень все чаще, все гуще. Что-то пронзительно скрипит около вас – это огромных размеров татарская арба, немазаные колеса которой издают неприятный визг – но вы не пеняете, ради новинки. Безобразный Татарин с расплюснутым носом и ермолкой на голове идет за волами, махает кнутом и покрикивает горделивым криком; на арбе сидит Татарка, совершенно с ног до головы закутанная в длинное белое холстинное покрывало, так что едва ее глаза блестят в узкое отверстие – это покрывало называется чадрую. Но новые возгласы отвлекают ваше внимание от Татарки, окутанной чадрую: вас тянут за платье, вы оборачиваетесь.

– Смотри, смотри, – говорит меньшей из детей, – я видел это в зверинце – верблюд! Верблюд!

Действительно, высокое, неуклюжее животное, не лишенное какой-то дикой грации, шевеля длинной шеей и кроткой мордой, идет скорым шагом под ярмом вола. Татарин дико кричит и подгоняет его хлыстом. Шаг его прибавляется, он скор и рысист, два горба его качаются вправо и влево; вы быстро миновали его, а все еще оглядываетесь.

Население все увеличивается, пригорки ложатся вокруг дороги, большие камни в беспорядке окаймили дорогу, татарские мазанки, покрытые черепицей, мелькают беспрестанно, и кое-где одноэтажные домики, очевидно, дачи, показываются между вновь разведенных садов. Все носит на себе характер новизны, край отстраивается, населяется каждый день все более и более.

Наконец, перед вами маленький спуск, и потом обширная, покрытая роскошной растительностью долина; посреди ее блестит на солнце ослепительной белизны город, обрамленный зеленью тополей, акаций, лавров и мимоз — это Симферополь. Позади его возвышается гора Чатыр-Даг, Палат-Гора, Шатер-гора — вот ее названия по-татарски и по-русски, и они же дают понятие о ее форме. Действительно, она имеет вид крыши или палатки; она камениста и совершенно бесплодна, не слишком высока, если кому знакомы вершины Кавказа или Альп, но

высока и крута, если, избегая всяких сравнений, мы способны любоваться тем, что действительно красиво и живописно. Въезжая в Симферополь, который, как и его окрестности, все еще продолжает отстраиваться, вы поминутно встречаете Татар и Татарок, закутанных в неизбежную чадру, но часто с открытым лицом. Те, которые беднее, позволяют себе такую вольность. Город разделяется на европейский и азиатский. Первый красив; улицы его широки, собор окружен оградой, внутри которой растут деревья; у больших домов, окрашенных в белую краску, есть садики и зеленые, вновь окрашенные ставни, что придает городу вид праздничный и веселый. Целое утро мы ходили по городу: какое удовольствие отереть пыль с лица, переменить дорожное платье на городскую блузу, надеть шляпку и идти куда придется, любопытно вглядываясь во все — как красиво здесь разнообразие лиц, одежд, населения, а красивее того оригинальность арб, везомых по городу верблюдами, оригинальность рынков и маленьких лавок, где по-восточному сидит Татарин, поджав ноги, или просто присев на пятки подле бесчисленного множества разных фруктов, сложенных в огромные груды. Но всего лучше, друг мой, край новый, незнакомый, оригинальный, воздух теплый, прелесть бродяжничества без определенной цели, кроме той, чтобы идти куда глаза глядят, глядеть, куда случится, и не думать ни о чем. Тут здоровье, жизнь, почти счастье! [2, с. 23].

Письмо 2.

«...По мере того, как солнце продвигалось к западу, мы сами, поднявшись на довольно высокую гору, спускались вниз, а на самом берегу моря увидели местечко Алушту, расположенное частью на отлогом берегу моря, частью на возвышении, где оно черными, причудливыми очертаниями, будто силуэтом, рисуется на фоне неба. Налево от Алушты, тянется правильным амфитеатром цепь гор, простирающаяся до самого Судака. Оставив Алушту, мы вновь поднялись на горы, где особенно хорошо показалось нам захождение солнца. Оно скрывалось за горою Аюдаг, далеко выдавшеюся в море, и окрашивало противоположащую цепь гор розовым светом, от которого она казалась прозрачною, как хрусталь; последняя гора амфитеатра казалась оторванною от цепи других и тонула в голубых волнах. Все это, однако, лишь одна сторона южного берега; другая сторона его не может быть применима ни к описанной столько раз Италии, ни к другой южной стране. Восточная обстановка Крыма бросается в глаза путешественника и поражает его своею оригинальностью. Нет скалы, висящей над морем или над плодоносной долиной, где бы не лепились, одна подле другой, не-

большие татарские мазанки, с плоской крышей, где нередко отдыхают целые семьи. Часто мазанки, начинаясь в долине, доходят до подножия скалы, и потом, прислонясь друг подле друга, лепятся до самой ее вершины, будто гнезда птиц; все они покрыты растениями и фруктами, которые, повешенные на протянутых веревках, сушатся на солнце. Эти разноцветные травы, желтый, как янтарь, табак, наливные, румяные плоды, придают особенную живописность маленьким жилищам, а восточный наряд женщин, одежда мужчин, даже лохмотья детей, новые типы лиц, все привлекает неодолимо внимание путешественника. Теперь только вполне могла я понять слова одного художника, Француза, объехавшего всю Европу и часть востока, и повторявшего нам когда-то с восторгом: «Нет ничего лучше Крыма! В нем все — и Италия и восток. Вот находка для пейзажиста и *жанриста!*» На все это глядели мы, и не могли довольно наглядеться из кареты, быстро мчавшей нас по отличному шоссе, проложенному над довольно глубокими обрывами и устроенному так безопасно, что самая трусливая из женщин могла бы сидеть спокойно и не бояться невозможного падения. Скоро, однако, все мы оторвались от истинно великолепного зрелища и стали нетерпеливо посматривать на версты. Чувство, понятное всякому: мы были у цели, мы подъезжали, то есть были за версту от станции Бьюк-Бамбота, где ожидали нас все наши. Действительно, скоро мы увидели под огромным, развесистым орехом, сперва знакомую шляпку, а там и знакомую фигуру, которая поспешно слезала с лошади и спешила нам навстречу, и Бог весть как, мы тоже, выскочив из кареты, очутились вместе. Вопросы, восклицания, прерываемые разговорами заняли несколько счастливых минут, как все минуты свидания; а между тем солнце уже село, и вдруг вся окрестность быстро начала темнеть. Сумерек здесь вовсе не бывает; предметы, ярко освещенные солнцем, лишь только оно зайдет за гору, вдруг тухнут, как будто погасили большой огонь, до тех пор озарявший все своим блестящим светом. Нам надо было спешить домой, тем больше, что нам предстоял крутой спуск на протяжении двух с половиною верст; к тому же дорога сворачивала с шоссе, и мы должны были добраться до нашей дачи по узкой и крутой тропинке, усеянной большими камнями. Об экипажах нечего было и думать: они были оставлены на станции, а вещи наши сложены на огромные фуры, которые с большим трудом спускают на волах. Сев верхом, мы отправились к месту жительства; не без некоторого опасения продолжали мы спускаться, и скоро на самом берегу шумящего моря, прислоненном одной стороною к скале, утонув в зелени сада, сквозь которую приветливо мелькали огни, обрисовался перед нами белый

огромный дом. Это был Кучук-Ламбат, дача князя Г., в которой мы проводим всю зиму. С тех пор мы видели много дач, но едва ли есть одна в окрестностях милее и уютнее этой. Половина окон дома обращена на море, другая на окрестные горы. Густой и отлично устроенный сад, расположенный на скате горы, спускается до самого моря и подымается до самой высокой скалы, отвесно висящей над морем. Вид оттуда удивительный. Направо Аюдаг, огромным великаном врезавшийся в море, которое со всех сторон оmyвает его скалы, налево цепь судакских гор, лежащих правильным полукругом, а посредине, между этой цепью и Аюдагом, широкое, безграничное море, на котором, ни на чем не останавливаясь, утопает взор. Позади нас – татарская деревенька, прильнувшая к обрывистой горе. Множество Татарченков, в красных ермолках и ярких лохмотьях, мелькают беспрестанно и между хижин и на плоских крышах; целая семья отдыхает на солнце; но и лохмотья, и богатые одежды жителей равно живописно доканчивают общую картину...» [3, с. 34].

Письмо 3.

Татарская свадьба. [4, с. 30-33]

Письмо 4.

Скачки.

«...Наступил день скачек. В одной из долин у самого города построена была деревянная галерея; за ней возвышалась довольно крутая гора, сплошь усеянная народом. Дамы сидели в галерее, мужчины толпились подле, множество Татар и Русских верхом разъезжало взад и вперед. Вдали, почти у самых крайних домов города, виднелась белая, неподвижная толпа: то были городские Татарки, плотно закутанные в чадры и собранные в кучу. Что могли они различить, находясь так далеко от места скачки, сказать трудно. Татарская музыка играла и гудела над нашими ушами; но скоро, к полному удовольствию всех европейских ушей, она смолкла, знак был подан, и лошади помчались, при крике и гаме оборванных седоков своих, так мало похожих на модных жокеев. Три раза обскакали они довольно большое пространство и, как водится, одна из лошадей выиграла первый приз, две другие – два второстепенных приза. Первый приз состоял из большой, довольно богатой серебряной вазы, второй и третий – из куса парчи и шелковой материи. Церемония скачки и получения призов продолжалась около часу и смертельно нам наскучила.

Татарские лошади имеют свои неоспоримые достоинства, но их надо оценить при прогулках в горах, по тропинкам и неприступным

местам. Их бег восхитителен для седока. Он состоит из иноходи – шибкой рыси без малейшего сотрясения для едущего, или из «джибе», несколько похожего на курц-галоп, но галоп спокойный, и с которым не сравнится галоп никакой отлично выдрессированной лошади. На скачках же эти маленькие лошадки, не слишком красивые, ненарядные, под Татарами-седоками, не внушают участия зрителю. Скачут они (так, по крайней мере, показалось мне) гораздо тише, гораздо тяжелее английских лошадей; самый вид красивой, высокой, выхоленной английской лошади, под маленьким в бархат и атлас одетым жокеем, так привлекает взор, что становится понятно вся эта роскошь, и толпа разоде-тых женщин вместе с огромными пари тут совершенно у места...

Осень стояла чудесная; даже 4 декабря было до того тепло и тихо, что мы гуляли в легких мантильях; солнце грело, будто в майский день. Но зима, однако, скоро взяла свое; цвет моря, скал и самого неба заметно изменился. Исчезли бирюзовые и изумрудные переливы моря, оно сделалось серым и темным, и изредка кое-где пробивался на поверхности бегущей волны бледно-голубой оттенок. Скалы не алели при закате солнца, не горели ярко-розовым цветом при восходе его; туманы всякий день больше и ниже спускались на окрестные холмы и горы и обвивали беловатой пеленой почерневшие скалы. Часто вечером поднимался сильный ветер, и выл он, врываясь в худо-вставленные рамы окон; море бурливо билось о прибрежные скалы и часто всю ночь не давало сомкнуть глаз. Самая дача, построенная на летний лад, становилась холодна, и мы познакомились со всеми неудобствами камина во время стужи; в то время, как руки и ноги наши согревались, по спине пробегал холод, двери хлопали, и часто сквозной ветер расхаживал по всему дому; насморк со свитой своей, гриппом и болью горла, ворвался в нашу маленькую колонию; ко всему этому присоединилась совершенная некомфортабельность в материальных потребностях. Порядочного масла достать было невозможно, за говядиной надо было посылать за 30 верст, об живности нечего было и думать; оставалась одна баранина, которая до того всем нам приелась, что мы не могли ее видеть. Конечно, все эти неудобства могли быть легко устранены теми лицами, которые завелись хозяйством и имеют собственность; но для нас, путешественников, преодолеть все это было почти невозможно. Правда, что все это точно так же недоставало нам и осенью; но прогулки, купанье, чудесные виды вознаграждали нас с избытком за маленькие лишения в материальной жизни... Зимовать мы отправились в Симферополь... Любимым местом прогулки жителей служит бульвар и сад, едва рассаженный по берегу Салгира; после обеда там можно встре-

тить всех жителей Симферополя; но едва ли кто предпочтет сад, как бы пышен ни был он, долине салгирской, лежащей тотчас за городом. Удаленная от моря и почти лишенная гор (хотя ее и окружают довольно утесистые холмы), она имеет свой особенный, полный прелести характер. Чем больше видишь ее, тем более нравится она, и всякий день можно открыть в ней новые красоты. Бойким, быстрым ручьем вьется Салгир посреди нее; камни его блещут, деревья фруктовых садов склоняют к нему свою яркую зелень. Здесь перекинут простой, незатейливый мостик, из досок или бревна, с маленькими, едва держащимися перилами; там в уголке, вся утонув в зелени, шумит водяная мельница; тут выстроена дача, и весело глядит она светлыми окнами из-за зелени своего палисадника; тут вьется дорожка, и маленькие домики, разбросанные вправо и влево, приветливо манят прохожего. Деревья разнообразны по роду и колориту, роскошны по растительности, и живописными купаи разбросаны по всему протяжению долины. А вот и утес: он не высок, песчан, но так стройно прильнул он к общему виду, так заканчивает его, что вся эта очаровательная местность просится в картину. И какая задушевная, милая, улыбающаяся картинка, эта долина Салгира! Она навевает какую-то тихую думу на душу; всякий день пойдешь по ней, и всякий день откроешь в ней новую прелесть. Что за привлекательное, симпатичное место, долина Салгира!» [4, с. 34-35].

Письмо 5.

«В конце апреля мы оставили город и с новым удовольствием возвратились в Кучук-Ламбат, который скоро явился перед нами в полной красе своей. Вьющиеся растения пестрели новыми красками и цветами: месячные розы цвели пышно и густо покрывали своей зеленью крыльцо, стены и клумбы сада. Все благоухало и улыбалось – майское небо майскому вновь засиявшему морю, распутившимся цветам и в праздничный наряд весны одетым горам. Не более недели провели мы на месте и вновь принялись за прежние далекие прогулки. Самое живописное из всех мест, до сих пор нами посещенных, деревня Партенит, находящаяся в нашем соседстве. Она построена в довольно тесном ущелье, частью в долине, частью на скале, висящей над морем, и ее живописный беспорядок придает еще более прелести и без того очаровательному местоположению. Долина или, скорее, ущелье Партенита покрыта зеленеющими роскошными садами; с одной стороны, она упирается в скалу горы Аю-дага, с противоположной примыкает к другой скале, на которой построена вся деревня, имени которой я не знаю; впереди нее – море, сзади – цепь горы Яйлы. Прелесть этого места

неописана, и линии гор близлежащих, чрезвычайно волнообразные, манят взор и не позволяют ему оторваться. Между загороженными садами есть небольшое пространство, оставленное свободным – на нем растет колоссальное ореховое дерево; невдалеке от него бежит шумный ручеек и немного подальше впадает в море. Вокруг этого ореха построена кругообразная лавочка, на которой вечно спят, сидят или лежат с трубкою во рту Татары. Это ореховое дерево – их форум, их Kafe Gresco, их Тортони; оно – центр их общественной жизни. Тут и днем и вечером всегда сборище мирных жителей деревни. Тень орехового дерева предохраняет их от зноя, а морской ветерок постоянно несет к ним свою прохладу; дети играют и нагие путешествуют по ручью; мужчины курят и изредка разговаривают; женщины – но их никогда не встречали в тени орехового дерева. Вероятно, это подобие площади в Партените недоступно для прекрасного пола. Купанье в Партените великолепно: здесь песок вместо камня, и волны так велики порою, что выбрасывают на берег всякого сильного пловца; если же лечь на берегу, то пена их, поминутно налетая вновь с шумом и ревом, не только покрывает купающегося, но еще отбрасывает его дальше и дальше на берег. Ничто не может сравниться с таким наслаждением в жаркий летний день. В последнюю нашу поездку в Партенит с нами случилось довольно смешное происшествие, которое, впрочем, могло окончиться, вместо комедии, трагедией. Многие из нас выкупались и возвратились; другие, расположась на плоской крыше мазанки, прилежно рисовали; третьи, лениво лежа около скатерти, столь же прилежно ели пироги и готовили чай...

Оставя Партенит и отправляясь по дороге к Гурзуфу, путешественник простится навсегда с самым великолепным, самым привлекательным видом, цепью Судакских гор, которые, начиная с Алушты (по пути из Симферополя), воздушной, фантастической, всегда разнообразной цепью заканчивают с одной стороны линию моря на горизонте. Ничто не может быть разнообразнее их колорита; живя около году в Кучук-Ламбате, мы никогда не видали их одинаковыми, хотя почти каждый день взбирались на скалу, чтобы любоваться ими. Иногда они синеют вдаль, в другой раз ярко-лиловый цвет их ни с чем несравненен; при закате они меняют все цвета, или, лучше сказать, переливаются, как опал, и вмещают в себе все краски от ярко-розовой и золотой до того неопределенного, неизъяснимого отлива, который, покрывая цепь гор легким туманом, едва оставляет нежную линию для их очертаний и сливает ее с синевою моря и неба. В последний раз можно поглядеть на Судакские Горы с высокой отлогости, соединяющей Аюдаг с цепью

других прибрежных гор; это место находится на половине дороги от Партенита к Гурзуфу и стоит того, чтобы упомянуть о нем. Прямо перед вами высокий Аюдаг, со своими дикими скалами, налево Партенит, прибрежные горы, за ним лежащие, Карасан (дача Раевской), выстроенная на полу-горе, пониже Кучук-Ламбат, приютившийся к скале, а за ним, далеко, далеко, но ясно обрисованная цепь Судакских Гор во всей красоте своих очертаний и колорита; налево опять море безграничное, широкое, и амфитеатр Гурзуфских Гор, спускающихся к нему со всей роскошью своей растительности; наконец, сам Гурзуф (татарская деревня, построенная на скате), и горы, облегающие море небольшим полукругом. Это великолепная панорама, обширная по объему, удивительная по красоте. Трудно оторвать от нее взор, и невозможно описать ее!

Вблизи Гурзуфа много дач; все они очень милы, но не велики, включая дачи Потемкина, Артек, которая была когда-то великолепна, но пришла в упадок: остался только роскошный, но уже одичалый и заросший парк, да обветшалый дом, жить в котором едва ли возможно. Зато почти около самого Гурзуфа, среди большого, отлично содержимого и разросшегося сада, можно полюбоваться на дачу г. Фондукля. Кроме ее прекрасно устроенного дома, счастливо выбранного местоположения, и на скате горы у моря расположенного сада, она замечательна еще тем, что Пушкин провел в ней целое лето. Приятно видеть, что любой Татарин Гурзуфа познакомился не только с именем нашего славного поэта, но еще покажет вам тот кипарис, о котором говорил некогда Пушкин.

...Оставя Гурзуф, мы простились с маленькими, не совсем безопасными, на зато интересными дикими тропинками, и ехали уже широкой дорогой, проложенной между густым кустарником до самого шоссе, которое привело нас в город Ялту. Этот издали беленький, будто фарфоровый городок построен под горой на самом берегу моря и поражает взоры проезжего своей особенностью. Кто не был в чужих краях, тот не будет иметь понятия о его характере; он напоминает собою итальянские маленькие города. Здесь те же узкие улицы, те же высокие дома, та же яркость и пестрота в жилищах и жителях, та же самая живописность лавок с фруктами и овощами, те же ворота, выстроенные в стене, та же жизнь на улице; даже самая нечистота в его переулках напоминает Италию. Бегающие дети, навесы с продавцами фруктов, рыбаки, матросы и даже прохожие глядят иначе; описать трудно, но Ялта похожа на иностранный город, и только русская речь напоминает проезжему, что он у себя, дома. Набережная красива, хотя очень

невелика; дом аптеки особенно милостивен, с двумя кипарисами у крыльца, темная зелень которых резко отличается от яркой белизны домика, вероятно, вновь построенного. На горе большая пятиглавая каменная церковь венчает застройку города. Взглянув на Ялту, хочется бродить по ней, хочется заглянуть во всякую лавку, хочется заговорить с Татаринцом, сидящим, поджав ноги, у своего навеса с плодами. Но особенно хорош этот город при последних лучах солнца; он блестит и горит, осененный ими...» [4, с. 35-37]

Письмо 6.

«...От самой Ялты до Алупки князя Воронцова весь берег на протяжении пятнадцати или более верст населен и обработан; дачи, деревни, домики рассеяны по этому пространству, но все внимание путешественника поглощено горою Ай-Петри, огромною, отвесною, остроконечною по форме и разнообразною по колориту. Она возвышается над Гаспррой, Алупкой, обеими Ореандами, и, вероятно, благодаря этой величавой горе, местность эта избрана преимущественно для великолепных построек, каковы обе Ореанды, Алупка и Гаспра. Одна Ореанда принадлежит Государыне Императрице, другая Великой Княгине Елене Павловне. С шоссе Царская Ореанда не поразит, конечно, проезжего своею архитектурой, которая весьма проста, но прельстит его внутренним убранством дворца, если он войдет в него. Внутренние дворики, фонтаны, кабинеты, гостиная зала – все убрано изящно и содержится отлично. Особенно замечателен в Ореанде так называемый Помпейский Дворик, сделанный по образцу двориков древней Помпеи, и, если не обманывает меня память, скопированный как нельзя вернее с внутреннего двора дома Диомедова. Он походит на четвероугольную комнату, потому что для большего удобства во время непогоды, к нему приделан стеклянный потолок, который можно снимать, по желанию, в ясные дни. Прямо против входа находится фонтан из белого мрамора; вода падает из него на пол и стекает по небольшим каналам, выточеным в мраморном полу; разливаясь по этим каналам, она орошает четыре клумбы, находящиеся в середине этого дворика или комнаты: это место похоже на то и на другое. Стены дворика расписаны мастерски, по помпейским рисункам; яркие краски и роскошные арабески очень счастливо довершают прелесть этого поэтического убежища. Дворец окружен отличным цветником, которого деревья еще не успели разрастись, хотя цветы и другие растения благоухают под жарким полуденным небом. За цветником находится большой тенистый сад, расположенный на скате горы и достойный кисти художника, – так роскошны

там деревья, мшисты камни и причудливо-красивы вьющиеся во множестве растения, так изобилен и шумен водопад, убеляющий своею пеной густые кустарники и зелень, над которою он льется. Долго бродили мы в Ореанде; почти целый день употребили мы на то, чтобы осмотреть ее, и на другой день спешили в Алупку, которая служит ей разительным контрастом. Не знаю, как описать это фантастически-огромное здание, не знаю даже, как определить его архитектуру. Люди сведущие уверяют, что это англо-саксонская готическая архитектура, хотя главный вход в замок, со стороны моря, сделан наподобие Альгамбры и, следовательно, в арабском стиле, с арабскою надписью на вогнутом полукруге фронтона. Но что нам до стиля? Побывавшего везде и, несмотря на то, очарованного путешественника поражает огромная масса Алупки, выстроенная над морем, вся сверху до низу из зеленоватого гранита, со своими башнями, зубцами, шпилями, точеными балюстрадами, стенами, по которым кое-где вьется плющ, не скрывающий, однако, под своею зеленью строгих линий величественного здания. Алупку нельзя описывать: ее надо видеть, видеть при этой местности, чтобы вполне понять, как она прекрасна...» [5, с. 32-33].

Письмо 7.

«Проведя около пяти дней в Гаспре-Александрии и всякий день осматривая окрестности, мы возвратились в Кучук-Ламбат, который скоро должны были оставить навсегда. И в Кучук-Ламбате дни летели так быстро, что мы едва успели осмотреться, как уже должны были снова начать бродячую жизнь. Отправив экипажи и ненужную прислугу, мы сами решились ехать верхом в Гурзуф, где нам хотелось провести дней десять или более. Нет ничего смешнее, капризнее, оживленнее переездов в Крыму, когда путешественники и, особенно, путешественницы, распростиаясь с комфортом оседлой жизни, приступают к тяжкому подвигу жизни кочевой. Надобно переезжать верхом и перевозить необходимые пожитки на вьюках. Людям, путешествовавшим только по Европе, трудно составить себе понятие об этой многосложной и продолжительной операции...» [5, с. 33].

Письмо 8.

Переезд в Бахчисарай

«На другой день целый вечер был посвящен приемам о том, как и куда ехать; нам предстояло два пути: один вел через хребет Яйлу в Бахчисарай, другой, по шоссе, через Бендерскую долину и Севастополь, в тот же Бахчисарай. Те из нас, которые слыли неутомимыми,

отчаянными туристами, сильно стояли за утомительный переезд через хребет. Решить было трудно, но кто-то подал благой совет разделить на две партии, совет, который понравился всем. Мы положили выехать на другой же день рано утром. Я не стану повторять тебе того, что уже писала раньше; в этот раз мы промчались мимо Ореанды, Гаспры, Алупки и спешили далее. Скажу только, что Ай-Петри, как великан, сторожил нас, и до самого Кикениста мы видели его остроконечную вершину, ярко горевшую при лучах солнца. Но скоро и он исчез при повороте, и шоссе лежало перед нами длинною лентой на каменистой почве, поросшей кустарником; порою над дорогой нависала скала, порой из скудной зелени выглядывал запыленный домишко: не было и признака тех роскошных садов, дворцов и дач, которые еще так недавно красовались перед нами. Все было голо, пустынно: одно море, влево от нас, расстилалось голубою пеленой. Вдруг почва изменилась; перед нами будто выросли скалы, и дикими, голыми, неприступными уступами потянулись к морю, понижаясь постепенно. Последний утес, все еще огромный, висел над морем, преграждая путь; множество других утесов склонялось, будто готовясь упасть над дорогой, и наконец, один стоял великаном на самой середине ее. Небольшой тоннель устранил это препятствие; лишь только мы выехали из него, как увидели пред собой, между двух отвесных скал, груды камней, поросшие зеленью: крутизна этого ущелья была чрезвычайная и казалась столь же неприступною, как и самые скалы. Это место называют *Чертовой лестницей*; последняя доступна только пешеходу и, к счастью, отличное, благодетельное шоссе спасает теперь путешественников от опасного и утомительного перехода; – шоссе это вьется бесчисленными извилинами, поднимается на огромную гору и, пробираясь, как змея, между скал, приводит на самый хребет горы. Наверху ее сложены из простого белого камня небольшие ворота, с двумя подобиями колонн. Эта постройка и мала и бедна в сравнении с природой, ее окружающей, и называется *Байдарскими Воротами*. О них твердили нам давно: хотелось нам видеть их, и ожидания наши далеко не оправдались; из ворот видна часть моря до соседней скалы – и только! Такой вид не редкость на южном берегу: быть может, для путешественника, едущего из Байдар, вид моря, открывающийся внезапно, неожиданно, очень привлекателен; но для нас он был так знаком, что мы не могли найти ничего особенного в этих столь прославленных воротах. Тут, однако, мы простились с морем и, быть может, именно поэтому вид байдарской долины, плодородной, зеленой, там и сям покрытой желтеющими нивами,нисколько нам не понравился. Человек не только привыкает к морю, он привязывается к нему; оно так разнообразно в своем однообразии: чем больше глядишь на него, тем больше понимаешь его красоту, и не можешь довольно

наглядеться на него: трудно и горько расставаться с ним тому, кто целый год, едва проснувшись утром, уже спешил к нему, а вечером, засыпая, долго прислушивался к его плеску. Расстаться с ним значит расстаться с другом, с дорогим собеседником, с музыкой неумолчною, гармоническою, навевающею на душу чудные думы.

Байдары – довольно большая деревня, но совершенно другого характера, чем деревни южного берега. Где плоские кровли, где живописные, прислоненные к скалам мазанки, где минареты, летящие в небо высоким шпилем? – все осталось сзади, и перед вами стоят небогатые, простые домики, крытые черепицей, а амбары, навесы, скотные дворы напоминают обыкновенные русские постройки такого рода. Переменив лошадей в Байдарах, мы спешили обедать к одной доброй знакомой; скоро среди голых, уже холмообразных, но все еще значительных гор, на каменистом белом грунте зазеленелась долина, небольшая, но роскошная, будто оазис в пустыне. Высокая башня, которую относят ко временам генуэзских колоний, возвышалась около дома простой сельской архитектуры. На обширной галерее, почти до самой крыши, роскошно вился виноград, и тучные кисти его висели вдоль перил и столбов балкона. Любезные, гостеприимные хозяйки с редким радушием приняли нас и приютили на темную ночь...

Монастырь Св. Георгия известен всякому по слухам; в самом деле, это едва ли не самое замечательное и великолепное из всех мест южного берега. Он построен на высокой горе, или, вернее, над пропастью, где вечно-голубое море, заключенное между двумя прибрежными огромными скалами, образует полукруглый залив. Самая архитектура и расположение монастыря очень оригинальны; между яркой зелени белеются кельи и церковь, одною стороною как бы приросшая к горе; они помещаются на площадках, лежащих одна над другою; площадки вымощены большими каменными плитами и со стороны громадного обрыва к морю ограждены высокими чугунными решетками. Все эти постройки на небольших площадках висят одна над другою и над морем на такой огромной высоте, что лодка в заливе казалась нам чрезвычайно маленькою, а рыбаки величиною с куклу. На верхней площадке кельи примыкают к древнему, полуобрушившемуся своду, остаткам языческого храма Ифигении. Место, на котором построен монастырь, известно также по языческим преданиям; две прибрежные скалы называются скалами Ореста и Пилада, которые, по преданию, причаливали к ним. К храму Ифигении и скалам написал Пушкин всем известные стихи:

*Зачем холодные сомненья!
Я верю: здесь был грозный храм,*

*Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья.
Здесь упокоена была
Вражда свирепой Эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла!
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И души великих божество
Своим созданием возгордилось!*

Долго стояли мы безмолвно и глядели на море, блиставшее ослепительными полуденными красками.

На другой день мы осмотрели Севастополь; но зной, пыль, раскаленная поверхность улиц так испугали нас, что мы решились выехать как можно скорее. Особенно хороши показались нам с красивой набережной великаны-корабли, которые неподвижно, величественную цепью рисовались на синем горизонте.

Поздно вечером въехали мы в большую долину, где раскинулся Бахчисарай, и вдоль главной, но не красивой улицы, пробирались ко дворцу. Все было пусто, и тишина царствовала в городе; навесы мелочных лавок были покрыты рогожами, а на полу спали в них хозяева или сторожа. Фрукты лежали грудками, и надо было объезжать их, медленно подвигаясь вперед по узкой, извилистой, плохо вымощенной улице татарского городка. Наконец, усталые и измученные, мы увидели огромные ворота, ведущие во внутренний большой дворцовый двор...» [5, с. 36-38].

Письмо 9.

Бахчисарай

«Накануне Успения большой двор представлял еще более беготни и хлопот; Татары с оседланными лошадьми толпились у главных ворот, мужчины поминутно выходили к ним, условливались и вскоре уезжали с семьями ко всенощной; между тем, колымаги, дроги, дрожки, кареты, перекладные и, наконец, огромные крытые фуры, называемые здесь дилижансами, поминутно въезжали на двор и высаживали целые семейства. Трудно было представить себе, где поместятся все эти новоприезжие, и, однако, все нашли приют в зданиях, примыкающих ко дворцу и назначенных для помещения огромного числа богомольцев и путешественников. Посмотреть на пеструю толпу лиц, которая пересекала двор во всех направлениях, спеша и суетясь, мы также

сели на лошадей и отправились ко всеобщей, в монастырь Св. Анастасии, за три версты от Бахчисарая...» [6, 27].

Письмо 10.

Поездка в Чуфут-Кале

«На другой день утром на большом дворе бахчисарайского дворца начались сборы. Все уезжали, и все хлопотало, суетилось. Что касается до нас, то целое утро мы провели в лавках, где накупили множество оригинальных безделушек: татарских туфлей, нагаек, кисетов для табаку и тому подобного. Около полудня нестерпимый жар заставил нас укрыться в сенях дворца, у фонтанов. Пообедав наскоро, мы сели на лошадей в пять часов и отправились по палящему жару в Чуфут-Кале, верст за восемь от Бахчисарая. По мере удаления от Бахчисарая природа являлась нам чем-то до сих пор невиданным: характер ее не походил ни под какую виденную нами местность. Отвесные, голые скалы, раскаленные жарким солнцем, стояли над нами; от них палило зноем, и самый ветерок, очень легкий, не дышал прохладой, а обхватывал нас душным, жарким воздухом...» [6, 30].

Список литературы

1. Евгения Тур (1815 – 1892). Материалы к библиографии. (Вступит. статья и составление М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижева). // Литературоведческий журнал РАН ИНИОН. 2015. № 36. С. 257 – 310. (Интернет-версия на сайте Проза.ру - <http://www.proza.ru/2015/03/13/1184>)
2. Евгения Тур. Крымские письма (Письмо 1). / Вступл. и публ. М. А. Бирюковой и А. Н. Стрижева. // Новая книга России. – 2014. – № 6. – С. 19 – 23
3. Евгения Тур. Крымские письма (Письмо 2). / Вступл. и публ. М. А. Бирюковой и А. Н. Стрижева. // Новая книга России. 2014. – № 7. – С. 33 – 37.
4. Евгения Тур. Крымские письма (Письма 3–5). / Вступл. и публ. М. А. Бирюковой и А. Н. Стрижева. // Новая книга России. – 2014. – № 8. – С. 30 – 37.
5. Евгения Тур. Крымские письма (Письма 6–8). / Вступл. и публ. М. А. Бирюковой и А. Н. Стрижева. // Новая книга России. – 2014. – № 9. – С. 32 – 39.
6. Евгения Тур. Крымские письма (Письма 9–10). / Вступл. и публ. М. А. Бирюковой и А. Н. Стрижева. // Новая книга России. – 2014. – № 10. – С. 27 – 31

«CRIMEAN LETTERS» EUGENIA TOUR

Biryukova Margarita Anatolevna,

*writer, literary critic, historian, ethnographer;
member of the Union of Writers of Russia
(Russia, Moscow)*

e-mail: rittabiruikova@mail.ru;

Strizhov Alexander Nikolayevich,

*writer, public figure,
member of the Union of Writers of Russia
(Russia, Moscow),
tel. : +7 903 180-67-13*

The article presents a brief overview of Eugenia Tour's life and background of her arrival in the Crimea, hereafter extracts from the writer's letters addressed to the mother's brother Nikolai Ivanovich Shepelev about her stay in the Crimean peninsula in the years 1852-1853 are published. Eugenia Tour describes the Crimean toponyms, local residents and her impressions of the Crimea in detail.

Keywords: *Elizabeth Vasilyevna Sukhovo-Kobylin, Evgenia Tur, Crimea, the Crimean letters, Tatars, Simferopol, Chatyr-Dag, Alushta, Salgir, Partenit, Ayu-Dag, Gurzuf, Yalta, Alupka, Oreanda, Pompeii Yard, Gaspra-Alexandria, Kuchuk Lambath, Bakhchisaray, Baydar Gate, St. George's monastery, Pushkin, Chufut Kale.*

References

1. Eugenia Tour (1815 - 1892). Materials for a bibliography. (Entered. Paper and drawing M.A. Biryukova and A. Strizheva). // Literary magazine RAS INION. 2015. № 36. pp. 257 - 310. (Internet version of the site chebarkul - <http://www.proza.ru/2015/03/13/1184>)
2. Eugenia Tour. Crimean letter (Letter 1). / Plead. and Public. M. Biryukova and A. Strizheva. // A new book Russian. 2014. № 6. pp. 19 - 23
3. Eugenia Tour. Crimean letters (Letter 2). / Plead. and Public. M. Biryukova and A. Strizheva. // A new book Russian. 2014. № 7. pp. 33 - 37.
4. Eugenia Tour. Crimean letter (3-5). / Plead. and Public. M. Biryukova and A. Strizheva. // A new book Russian. 2014. № 8. pp. 30 - 37.
5. Eugenia Tour. Crimean letter (6-8). / Plead. and Public. M. Biryukova and A. Strizheva. // A new book Russian. 2014. № 9. pp. 32 - 39.
6. Eugenia Tour. Crimean letter (9-10). / Plead. and Public. M. Biryukova and A. Strizheva. // A new book Russian. 2014. № 10. pp. 27 - 31

